

И. А. Черемисина Харпер

ПУШКИНСКИЙ МИР В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА «ДАР»

В статье исследуется проблема осмысления нравственно-эстетических ценностей А. С. Пушкина в поэтике романа «Дар» В. Набокова.

Ключевые слова: эстетика, культурные ценности, литературные традиции, поэтика.

Эстетическое отношение к миру является важным творческим и жизненным принципом Владимира Набокова, который помог выразить мнение писателя по поводу насущных проблем своей эпохи. Отчасти это было связано с тем, что трагические события современной писателю истории с немолимой беспощадностью отразились в его личной судьбе и не могли не повлиять на выбор своей позиции в культуре.

В поэтике В. Набокова тема изгнанничества неизменно окрашена в экзистенциальные тона, и, соответственно, эмигрантское бытие воспринимается как одна из форм зависимости человека от внешних обстоятельств. Следовательно, художественно оправдана характерная антитеза набоковской поэтики, суть которой заключается в том, что театрализованной бутафорности реального мира противостоят вечные духовные ценности культуры.

В связи с этим становится понятной непримиримая борьба В. Набокова с пошлостью во всех ее проявлениях, поскольку она представляется писателю реальной угрозой духовности и нравственности человека. Узость мышления, утрата исторической памяти, дефицит творческого воображения и социальная ангажированность неизбежно ведут к упадку и деградации культуры и установлению диктатуры самодовольной пошлости. Настойчивый призыв писателя оберегать культурные традиции должен быть услышан теми, к кому он непосредственно обращен, а именно соотечественниками по общему духовному прошлому. Тема актуальности сохранения культуры представлена в романах «Машенька», «Дар», «Приглашение на казнь».

В художественном мире писателя тема памяти, прежде всего памяти культуры, становится важной нравственно-эстетической доминантой его поэтики, организационным центром всех его произведений. В данном контексте можно считать показательным высказывание В. Линецкого: «<...> память – <...> единственная ценность, избежавшая набоковской переоценки, интеграл его текстов <...>» [1, с. 16].

Трагическое одиночество писателя воспринимается как неизбежный результат кризисного состояния культуры, когда художник не находит точек соприкосновения с миром, но критическое осмысление исторического опыта позволяет обрести нравственные ориентиры для себя в настоящем.

Призрачность и мимолетность окружающей действительности замещается гармоничным художественным пространством, созидание которого придает смысл человеческой жизни, ибо, ощущая свою причастность к культурному процессу, он преодолевает время и обстоятельства и таким образом устанавливает прочные связи с миром, сохраняя при этом неделимость своего я.

Для В. Набокова подлинное, духовное, настоящее неизменно связано с Россией, со всем русским, поскольку он всегда подразумевал свою причастность к традициям русской культуры, берущим начало от Пушкина. Более того, он справедливо полагает, что художник, как явление культуры, значителен лишь в том случае, если сохраняет приверженность своим национальным традициям, универсальным выразителем которых стал его великий предшественник. По глубокому убеждению В. Набокова, пушкинский художественный язык вбирает все разнообразие сфер духовной жизни русского человека. Примечательно, что тоска по утраченной России преобразуется в мощную созидательную силу, порождающую новые духовные ценности.

Одной из главных проблем, поставленных в последнем русском романе писателя «Дар», следует считать проблему истинных ценностей культуры. Отсюда очевидность и оправданность обращения Набокова к художественному пространству русской литературы. По плотности и многослойности вертикального контекста, центром которого служит литература, мы вправе соотнести этот роман с «Евгением Онегиным» А. С. Пушкина. Высказывание американского литературоведа С. Карлинского подтверждает наше суждение: «Ни разу со времен „Евгения Онегина“ не содержал русский роман такого обилия литературных дискуссий, намеков и характеристик писателей» [2, с. 45].

Во вступлении к английскому изданию «Дара» В. Набоков четко заявляет, что главный персонаж романа – «русская литература» [3, с. 8]. По словам автора, это «лучший и самый ностальгический» из его романов [4, с. 13]. Следуя заданной логике, можно продолжить высказанную самим автором мысль и утверждать, что в «Даре» В. Набоков открыто говорит о своей любви и преданности русской литературе, которая служит для него этало-

ном подлинного искусства. Весьма символично, что в названии самого литературного романа писателя полемично обыгрываются известные пушкинские строки: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» [5, с. 139; 6, с. 170].

Пушкин органично включен в поэтический мир В. Набокова: он входит в круг чтения его героев, и данная особенность его поэтики наиболее подробно представлена в романе «Дар». Соответственно, пренебрежение к Пушкину, косвенное знакомство с ним или полное пренебрежение его творчеством «равнозначно смертным грехам в эстетической вселенной набоковских произведений, грехам, за которые деспотический создатель жестоко карает своих героев» [2, с. 43].

Иными словами, творческий неуспех или неудача героев находятся в прямой зависимости от глубины постижения пушкинского опыта в культуре (ср. пути и судьбы главных героев романов В. Набокова «Защита Лужина», «Отчаяние», «Приглашение на казнь» и др.). Как отмечает сам автор в своем романе «Дар», «мерой степени чутья, ума и даровитости русского критика служит его отношение к Пушкину» [7, с. 228].

Весьма показательно, что мир литературный и мир реальный в художественной системе В. Набокова всегда взаимопересекаются и коррелируют друг с другом. В связи с этим принципиальное значение обретает проблема подлинности культуры и необходимости размежевания ценностей истинных и мнимых. Металитературное начало, составляющее основу творческого сознания писателя, реализуется, в частности, через пушкинскую тему «Моцарт и Сальери», которая составляет художественно-этический центр многих его романов [2, с. 40; 8, с. 222]. Здесь прежде всего выделим романы «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Отчаяние» и, безусловно, «Дар».

Действительно, центральная (во всех отношениях) тема романа «Дар» – становление и взросление русского писателя, опирающегося на исторический опыт, пройденный русской культурой. Будущий писатель имеет непосредственное отношение к культуре будущего, именно ему суждено воплотить в себе лучшие традиции литературного творчества, именно его творческая деятельность будет отражать состояние культуры в будущем.

Потому закономерно обращение В. Набокова к тем представителям русской культуры прошлого, чья жизнь и деятельность вошли в ее историю, и, следовательно, ответственны за уровень литературы и культуры в целом. Драматизация истории русской литературы и критики в «Даре» продиктована глубокой озабоченностью писателя за судьбу отечественной культуры и четким осознанием своей личной ответственности за ее будущее.

Это долг честного художника перед историей. Здесь, думается, закономерны прямые параллели с позицией А. С. Пушкина в романе «Евгений Онегин», в котором жизненные проблемы преломляются в литературные, а размышления о литературе выходят в жизнь.

Роман можно рассматривать как веский контраргумент необоснованному тезису об аполитичности В. Набокова и его творчества, абсолютной оторванности от событий реальной жизни и изолированности в чистой эстетике искусства, ибо писатель неизменно остается в центре острейших проблем эпохи. Глубоко внутрь упрятанная личная драма писателя руководила его поведением в жизни и творчестве. Отсюда антиисповедальный характер набоковской поэтики, его прекрасное умение быть разным, оставаясь верным себе и своим принципам [9, с. 30]. Поэтому стилистическая игра для В. Набокова предусматривает прежде всего игру с разомкнутыми культурными смыслами, через которую отчетливо проступает нравственная позиция художника.

В романе «Дар» процесс формирования творческого сознания писателя проходит в русле пушкинской эстетики. Герой В. Набокова «вслушивался в чистейший звук пушкинского камертона – и уже знал, что именно этот звук от него требует»; Федор «питался Пушкиным, вдыхал Пушкина, – у пушкинского читателя увеличиваются легкие в объеме. Учась меткости слов и предельной чистоте их сочетания, он доводил прозрачность прозы до ямба и затем преодолевал его <...>» [7, с. 87].

Чтение произведений А. С. Пушкина пробуждает эстетическое чувство Годунова-Чердынцева, формирует его художественную образность. «Он находился в том состоянии чувств и души, когда сущность, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосонья. Пушкин входил в его кровь» [7, с. 88]. Свой жизненный ритм Федор сверяет с ритмом пушкинской эпохи, среди окружающих его людей мелькают персонажи пушкинских произведений. Как верно отмечает английский исследователь Лоуренс Ли [10, с. 88], тот факт, что случайные прохожие напоминают ему литературных героев Пушкина, вовсе не предполагает внешнего сходства, а свидетельствует о том, что в Федоре развивается пушкинское понимание человеческой сущности, а значит, совершенствуется его язык, который должен стать «адекватным его видению прошлого» [11, с. 13].

В романе, в частности, отчетливо прослеживается мысль о том, что подлинная литература обязательно опирается на пушкинский опыт. Так, в новой поэзии Федор ценит только то, что «естественно продолжает Пушкина» [7, с. 134]. В связи с этим, по мнению авторов, показательным является

высказывание В. Набокова о поэтическом творчестве Бунина и Ходасевича: Ходасевич – «крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии» [12, с. 407]; Бунин – «поэт, равного которому не было со времен Тютчева» [13, с. 373].

Композиционное решение романа своей логической выстроенностью символизирует парадигму развития русской эстетической мысли, ценностной первоосновой которой становится пушкинская поэзия. Центральное положение во внутренней структуре произведения занимает глава о Н. Г. Чернышевском, при этом заинтересованное отношение к судьбе одного из ярких представителей русской революционной мысли XIX в. вполне закономерно. По верному наблюдению А. Лебедева, «набоковский Чернышевский предстает центром притяжения, пересечения и взаимоотталкивания разнонаправленных идейно-эстетических, социально-психологических и иных традиций и потенциалов русской общественной жизни на историческом этапе, вмевшем события, до самого основания потрясшие и затем перевернувшие весь ее ход» [14, с. 351].

Размышляя над феноменом Чернышевского в русской культуре, Федор приходит к выводу, что достойное место, отведенное ему отечественной критикой, случайное, ничем не мотивированное явление, благодаря которому «в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым» [7, с. 157]. Чернышевский фактически символизирует внехудожественные (социальные, политические, идеологические и пр.) силы, стремящиеся подчинить искусство сугубо утилитарным, прикладным целям, подменяющим самую его сущность. Отсюда пародийное, а подчас откровенно сатирическое отношение Федора, а значит, и самого Набокова к мнимому столпу общественности.

Литературные диалоги Годунова-Чердынцева и Кончеева представляют собой новый взгляд на традиционное понимание ценностного плана русской литературы XIX в., который призван подтвердить или подвергнуть сомнению его жизнеспособность и перспективность. Федор прочно усваивает «тройную формулу человеческого бытия: невозвратимость, несбыточность, неизбежность» [7, с. 89], и пушкинский принцип постижения жизни посредством искусства проникает в его творческое сознание. «Онегинский» финал «Дара» позволяет рассматривать роман как совершенный образец воспитания набоковского я и вертикального поиска истины, исходя из устойчивых ценностей культуры [8, с. 223–224].

Спиральная форма композиции романа намечает путь, по которому движутся автор, его герой и читатели в поисках истины и правды искусства. При этом конец спирали неожиданным образом

оказывается ее началом, образуя тем самым разомкнутый круг, а только что прочитанная книга все еще существует в воображении героя, в финале становящегося ее автором и, следовательно, оставляющего литературный мир, чтобы обрести реальную жизнь среди живых людей [15].

Если учесть, что главной героиней романа «Дар» является русская литература, то спиральная форма композиции отражает путь, пройденный отечественной словесностью за последнее столетие. А здесь мы видим, что становление русской литературы, начавшись творчеством А. С. Пушкина, продолжено Н. В. Гоголем, затем через Н. Г. Чернышевского и его эпоху обращено к автору «Дара», который окончательно усвоил пушкинскую концепцию искусства и которому суждено продолжить эту преемственность.

Одной из характерных художественно-поэтических особенностей романа является то, что В. Набоков по-новому формирует тип положительного героя русской литературы, о создании которого мечтали классики XIX в. По верной мысли О. Дарка, «положительного героя Набоков ищет в соединении (это гармоническая личность): денди (внешнее изящество), спортсмена (физическая культура, культ тела), поэта (духовная культура), естествоиспытателя (знание материального мира, отчего – комфортное ощущение себя в нем). <...> Потому – такое злое внимание к неуклюжести Чернышевского, его физической слабости, близорукости, к его неумению различать цветы и деревья» [16, с. 463]. И, кроме того, Федор счастлив в любви, в финале романа автор оставляет его в «минуту добрую». В конечном счете Федор найдет ключи от комнаты, хранящей его дар, представляющий собой нерушимое единство таланта художника и наследия русской культуры [17]. Поэтому таким светлым и безоблачным оказывается финал «Дара».

По справедливому определению М. Липовецкого, «тройным знаком бесконечности становится сонет, венчающий <...> весь роман в целом: во-первых, потому что сонет написан онегинской строфой и, значит, соотнесен с миром Пушкина, что является безусловным символом бесконечности для Набокова и его героя; во-вторых, потому что здесь прямо воспроизведен финал «Онегина», пушкинская же бесконечность и «даль свободного романа» («С колен поднимется Евгений, – но удалется поэт»); и, наконец, в-третьих, потому что в синтезе этого сонета происходит превращение линейного и конечного текста романа («там, где поставил точку я») в бесконечный и объемный текст бытия: «продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, – и не кончается строка» [18, с. 90]. Весьма показательным, что финал «Евгения Онегина» находит своеобраз-

ную интерпретацию в художественных произведениях очень ценимого В. Набоковым А. П. Чехова [19, с. 136].

Роман В. Набокова «Дар» является последним произведением из числа русской прозы писателя, который, с одной стороны, считается кульминационной точкой в русскоязычной части его культурного наследия и, с другой стороны, завершает эстетически значимый этап творчества. Поэтому пушкинский финал романа «Дар» следует рассматривать как некий вектор открытых творческих перспектив и возможностей В. Набокова – художника

слова в культурном пространстве современной ему эпохи. В жизни писателя после романа «Дар» произойдут серьезные перемены, связанные с переездом в США и началом творчества на английском языке, включая в том числе переводы пушкинской поэзии и романа «Евгений Онегин» с подробнейшими комментариями на английский язык. Иными словами, пушкинский мир, который нашел яркое и весьма символическое воплощение в романе «Дар», получит художественное осмысление и различные интерпретации в будущих творениях В. Набокова.

Список литературы

1. Линецкий В. «Анти-Бахтин» – лучшая книга о Владимире Набокове: статьи. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 216 с.
2. Давыдов С. «Пушкинские весы» Владимира Набокова // Искусство Ленинграда. 1991. № 6. С. 39–46.
3. Nabokov V. The Gift. England: Penguin Books Ltd., 1981. 333 p.
4. Nabokov V. Strong Opinions. N. Y.: McGraw-Hill Book, 1973. 335 p.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1825–1836 / примеч. Т. Цявловской. М.: Художественная литература, 1974. 688 с.
6. Долинин А. Две заметки о романе «Дар» // Звезда. 1996. № 11. С. 168–180.
7. Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3.
8. Фомичев С. А. Низвержение кумиров («Дар» В. Сирина и «Прогулки с Пушкиным» А. Терца) // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 220–225.
9. Пискунов В. Чистый ритм Мнемозины // Литературное обозрение. 1990. № 10. С. 21–31.
10. Lee L. L. Vladimir Nabokov: Life a. work. London: Prior; Boston (Mass.), 1976. 168 p.
11. Dembo L. S. Vladimir Nabokov, an Introduction // Nabokov: The man and his work. Madison: The Univ. of Wisconsin press, 1967. P. 3–18.
12. Набоков В. В. О Ходасевиче // Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996. 440 с.
13. Набоков В. Ив. Бунин. Избранные стихи // Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе. Интервью. Рецензии. М.: Книга, 1989. 528 с.
14. Лебедев А. А. К приглашению Набокова // Вчерашние уроки на завтра: Литературная полемика. М.: Сов. писатель, 1991. С. 339–362.
15. Давыдов С. Тексты-матрешки Владимира Набокова. Мюнхен, 1982. 252 с.
16. Дарк О. Примечания к роману «Дар» // Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3.
17. Hyde G. M. Vladimir Nabokov: America's Russian novelist. London: Marion Boyars, 1977. 230 p.
18. Липовецкий М. Эпигл русского модернизма (художественная философия творчества в «Даре» Набокова) // Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 72–95.
19. Литовченко М. В. Повесть А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека»: диалог с «онегинским» сюжетом // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2012. № 3 (118). С. 132–136.

Черемисина Харрер И. А., кандидат филологических наук, доцент.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: cheremisina@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 13.03.2013.

I. A. Cheremisina Harrer

PUSHKIN'S WORLD IN VLADIMIR NABOKOV'S NOVEL "THE GIFT"

The paper focuses on interpreting moral and esthetic values introduced by A. S. Pushkin in the poetic context of V. Nabokov's novel "The Gift".

Key words: *esthetics, cultural values, literary traditions, poetics.*

References

1. Linetskiy B. "Anti-Bakhtin" – the best book on Vladimir Nabokov: Articles. St. Petersburg, Printing house after Kotlyakova Publ., 1994. 216 p. (in Russian).
2. Davydov S. "Pushkin scales" by Vladimir Nabokov. *Art of Leningrad*, 1991, no. 6, pp. 39–46 (in Russian).
3. Nabokov V. *The Gift*. England. Penguin Books Ltd., 1981. 333 p.
4. Nabokov V. *Strong Opinions*. N. Y., McGraw-Hill Book, 1973. 335 p.
5. Pushkin A. S. *Collected Works in 10 volumes*. Vol. 2. Poems 1825–1836. Note. T. Tsyavlovskaya. Moscow, Hudozhestvennaya Literatura Publ., 1974. 688 p. (in Russian).
6. Dolinin A. Two notes about the novel «The Gift». *Star*, 1996, no. 11, pp. 168–180 (in Russian).
7. Nabokov V. V. *Collected Works in 4 volumes*. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 3 (in Russian).
8. Fomichev S. A. Overthrow of idols ("The Gift" by V. Sirin and «Walking with Pushkin» by A. Tertsia). *Pushkin and modern culture*. Moscow, Nauka Publ., 1996. Pp. 220–225 (in Russian).
9. Piskunov B. Pure rhythm of Mnemosyne. *Literary Review*, 1990, no. 10, pp. 21–31 (in Russian).
10. Lee L. L. *Vladimir Nabokov: Life a. work*. London, Prior; Boston (Mass.), 1976. 168 p.
11. Dembo L. S. Vladimir Nabokov, an Introduction. *Nabokov: The man and his work*. Madison, The Univ. of Wisconsin press, 1967. Pp. 3–18.
12. Nabokov V. V. On Khodasevich Nabokov. *Lectures on Russian Literature*. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ., 1996. 440 p. (in Russian).
13. Nabokov V. Bunin. I. *Selected Poems. Stories. Invitation to a Beheading. Novel. Essay. Interview. Reviews*. Moscow, Kniga Publ., 1989. 528 p. (in Russian).
14. Lebedev A. A. To invitation of Nabokov. *Yesterday's lessons for tomorrow: Literary controversy*. Moscow, Sov. Pisatel' Publ., 1991. Pp. 339–362 (in Russian).
15. Davydov S. *Text-dolls of Vladimir Nabokov*. Munich, 1982. 252 p. (in Russian).
16. Dark O. Notes to the novel "The Gift". *Nabokov's Collected Works*, 4 volumes. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 3 (in Russian).
17. Hyde G. M. *Vladimir Nabokov: America's Russian novelist*. London, Marion Boyars, 1977. 230 p.
18. Lipovetsky M. Epilogue of Russian modernism (Art philosophy of creativity in "The Gift" by Nabokov). *Problems of literature*, 1994, no. III, pp. 72–95 (in Russian).
19. Litovchenko M. V. Chekhov's "Story of the Unknown Man": dialogue with "Onegin" plot. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 3 (118), pp. 132–136 (in Russian).

National Research Tomsk Polytechnic University.
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: cheremisina@tpu.ru